



Научная статья

УДК 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-7-24

КОНЦЕПЦИЯ СТРАДАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, А. П. ПЛАТОНОВ, В. П. АСТАФЬЕВ)

Романова Галина Ивановна¹,
Смирнова Альфия Исламовна²,
Матвеева Ирина Ивановна³

^{1,2,3} Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

³ matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Аннотация. Статья посвящена особой теме в русской литературе — теме страданий, ее функционированию в творчестве видных писателей XIX–XX веков; исследуется влияние на литературу XX века религиозно-философской и эстетической концепций Ф. М. Достоевского. Прослежены истоки темы страданий, восходящей к Библии, рассмотрен ее философский контекст, экзистенциальные вопросы, связанные с ней.

На основе биографического, сопоставительного, интертекстуального методов исследования, а также культурно-исторического подхода рассмотрены взгляды на литературу и тему страданий Ф. М. Достоевского, А. П. Платонова, В. П. Астафьева, сделаны экскурсы в творчество русских и зарубежных писателей, в котором так или иначе обнаруживается связь с данной темой.

Страдания литературных персонажей дифференцируются: выделяются физические, нравственные, экзистенциальные страдания. Часто они вызваны социальными пороками, историческими причинами, нравственной глухотой окружающих, но могут вызываться экзистенциальным хаосом, затягивающим человека независимо от его воли. Показано, что писатели искали пути преодоления страданий; по-разному осознавая, осмысливая их, чаще всего Достоевский, Платонов и Астафьев представляли страдания как метафизическую константу, имманентно присущую человеку,

его сознанию, поэтому путь преодоления страданий часто связан в их произведениях с утопическими идеями, с преодолением отчужденности людей друг от друга.

Ключевые слова: тема, природа страданий, этика страдания, хаос, традиция, литературный герой, проза.

Для цитирования: Романова, Г. И., Смирнова, А. И., Матвеева, И. И. (2025). Концепция страдания в русской литературе (Ф. М. Достоевский, А. П. Платонов, В. П. Астафьев). *Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование»*, 1(57), 7–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-7-24>

Original article

UDC 821.161.1.09«18/19»

DOI: 10.24412/2076-913X-2025-157-7-24

THE CONCEPT OF SUFFERING IN RUSSIAN LITERATURE (F. M. DOSTOEVSKY, A. P. PLATONOV, V. P. ASTAFIEV)

Galina I. Romanova¹,

Alfia I. Smirnova²,

Irina I. Matveeva³

^{1,2,3} Moscow City University,
Moscow, Russia,

¹ galinroma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6173-2411>

² alfia-smirnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9198-548X>

³ matv1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3529-3459>

Abstract. The article is devoted to a special theme in Russian literature — the theme of suffering, its functioning in the works of prominent writers of the XIX and XX centuries; the influence of F. M. Dostoevsky's religious-philosophical and aesthetic concepts on the literature of the XX century is investigated. The origins of the theme of suffering going back to the Bible are traced, its philosophical context and existential issues related to it are considered.

On the basis of biographical, comparative, intertextual methods of research, as well as cultural-historical approach, the views on literature and the theme of suffering of F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, V. P. Astafiev are considered, excursions are made into the works of Russian and foreign writers who in one way or another found a connection with the theme.

The sufferings of literary characters are differentiated: physical, moral, existential sufferings are distinguished. Often they are caused by social vices, historical reasons, moral deafness of others, but they can be caused by existential chaos, dragging a person regardless of his will. It is shown that writers searched for ways to overcome suffering; realising and comprehending it in different ways, most often Dostoevsky, Platonov and Astafiev represented suffering as a metaphysical constant inherent in man and his consciousness, so the way to overcome suffering is often connected in their works with utopian ideas, with overcoming people's alienation from each other.

Keywords: Theme, nature of suffering, ethics of suffering, chaos, tradition, literary hero, prose.

For citation: Romanova, G. I., Smirnova, A. I., Matveeva, I. I. (2025). The Concept of Suffering in Russian Literature (F. M. Dostoevsky, A. P. Platonov, V. P. Astafiev). *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, 1(57), 7–24. <https://www.doi.org/10.24412/2076-913X-2025-157-7-24>

Введение

Об особом отношении к теме страдания в русской литературе свидетельствуют высказывания и профессиональных читателей, и любителей. По словам М. Горького, «русская литература — самая пессимистичная литература Европы; у нас все книги пишутся на одну и ту же тему о том, как мы страдаем, — в юности и зрелом возрасте: от недостатка разума, от гнёта самодержавия, от женщин, от любви к ближнему, от неудачного устройства вселенной...» (Горький, 1963, с. 504). Это мнение не изменилось у него и в 1936 году, когда он рекомендовал М. М. Зощенко написать книгу, в которой была бы осмеяна склонность к страданию (Горький, 1963, с. 69). Современные читатели, поддерживая распространённое суждение о приверженности страданиям персонажей русской литературы и отождествляя историческую реальность с художественной, соглашаются с тем, что это одна из важных черт русского национального характера (Обухова, 2015).

Однако очевидно, что корни литературной темы страданий уходят в глубокую древность, берут начало в Книге книг — в Библии, где рассказывается о страстях (страсти — из праслав. *strastь* «страдание»), которые претерпел в земной жизни Иисус Христос, о трагических событиях «ветхой» и «новой» истории человечества. Как многие образы, темы, мотивы сюжеты, представления о страдании были заимствованы и переосмыслены в художественной литературе, в первую очередь в западноевропейской. Ярчайший пример из литературы Нового времени — влияние на читателей и необычайная популярность, которую приобрёл роман И. В. Гете «Страдания юного Вертера» (1774), и *апология* того же явления в романтической поэзии. «Страдальцем вдохновенным» (Гречанке, 1822) назвал Пушкин Байрона, обозначив тем самым характерную черту и поэзии английского романтика, и романтической литературы в целом, избравшей главным героем личность, испытывающую нечеловеческие страдания (Толстогузов, Толстогузова, 2013).

В русской литературе выделяется творчество ряда писателей, осмысляющих природу страданий, их причины и возможности преодоления. Особый интерес представляет творчество Ф. М. Достоевского, произведения которого стали важным этапом в развитии данной темы. Если страдания пушкинского героя, «страдающего эгоиста», В. Г. Белинский охарактеризовал как «страдание истинное», но «не всем понятное» (Белинский, 1955, с. 458, 463), то мучения героев Достоевского, которые глубоко несчастны, унижены и оскорблены, вызывают не только сочувствие

широкого круга читателей, но и целый ряд вопросов у исследователей (Борисова, Скорокозова, 2022). Это в полной мере относится к героям Платонова и Астафьева, каждый из которых страдает по-своему, но, так или иначе, продолжает традицию Достоевского. Все сказанное свидетельствует об **актуальности** заявленной темы. Однако проблема влияния социальных и психологических открытий Достоевского в осмыслении страдания на дальнейшее развитие русской литературы еще далека от разрешения, чем обусловлена **новизна** настоящего исследования.

Методы исследования

В художественном творчестве всегда велика доля унаследованной традиционной системы образов, моделей изображения или, используя выражение А. Н. Веселовского, «предания». Соответственно, поставленную задачу необходимо рассмотреть не только в контексте мировоззрения писателя, используя биографический метод, но и в более широком контексте литературной традиции, применяя культурно-исторический подход, а также интертекстуальный анализ.

Результаты исследования

Звучание темы страданий человека, осложненной социальными, этическими, психологическими мотивами, усиливается к середине XIX века в литературе реализма, в том числе реализма «в высшем смысле» (как определял свое творчество Ф. М. Достоевский) (Достоевский, 1984, т. 27, с. 65). Тема страдания занимает одно из центральных мест в религиозно-философской концепции писателя, ее художественно-эстетическое осмысление являет наиболее значимый этап в истории русской литературы XIX века.

Религиозно-философская концепция страданий Ф. М. Достоевского

В творчестве Достоевского страдание изображено ощутимо, детально передано теми, кто его переживает. Причины страданий персонажей Достоевского доступны «для бедных» — в прямом и переносном смысле. Это страдания душевные, которые не может перенести «слабое сердце» (как герой повести «Слабое сердце», 1848), физические, в результате которых герои гибнут, во многом эти страдания обусловлены низким социальным положением героев. Но главная новация в осмыслении данного экзистенциала в творчестве Достоевского заключается в представлении страдания как метафизической константы, по-разному осознаваемой и переживаемой персонажами и автором (как носителем концепции произведения).

Герой «Записок из подполья» (1864) утверждает, что «слишком сознавать — это болезнь, настоящая, полная болезнь» (Достоевский 1973, т. 5, с. 101), т. е. до крайности доводит смысл известного афоризма о связи мудрости и страданий (слова Экклезиаста «во многой мудрости много печали»). В библейском смысле мудрость заключается в постижении жизни как трудного пути и приятии его; в произведениях Достоевского мысль, сознание есть «величайшее для человека несчастье», которое «человек любит и не променяет ни на какие удовлетворения», отрицание: «...страдание есть сомнение, есть отрицание...» (Достоевский 1973, т. 5, с. 119). «Мудрость» его персонажей оказывается только видимостью, опыт (т. е. ход сюжетных событий) показывает ущербность сочиненных теорий, обрекающих всех на страдания.

Герой «Записок из подполья» уверяет, что «человек от настоящего страдания, т. е. от разрушения и хаоса, никогда не откажется. Страдание — да ведь это единственная причина сознания» (Достоевский, 1973, т. 5, с. 119). Этот фрагмент Н. Бердяев назвал «потрясающими по гениальности, по остроте ума мыслями», в которых «нужно искать первоисточник всех открытий, которые делает Достоевский о человеке на протяжении всего своего творческого пути» (Бердяев). В человеческой натуре поражает писателя и его героев противоречивость и непредсказуемость, главным образом странная, нелогичная потребность в страдании, о которой говорит подпольный человек: «Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он равно настолько же любит страдание, до страсти...» (Достоевский, 1973, с. 119).

Новацией Достоевского становится *передача философских идей персонажам* (здесь и далее в основном тексте и цитатах курсив наш. — Г. Р., А. С., И. М.). Так, уже в первом романе пятикнижия главный герой утверждает афористически: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца» (Достоевский, 1973, т. 6, с. 203). В романе «Братья Карамазовы» даже эпизодические персонажи мыслят «до страдания»: мучится от неверия в будущую загробную жизнь «чувствительная светская дама», посетившая старца Зосиму, который, в свою очередь, страданием называет мучительное сожаление об утраченном. Такой прием дает возможность писателю перевести страдание из пассивного залога в активный: «Что делать? <...> страдание взять на себя! <...> Свободу и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель!» (Достоевский, 1973, т. 6, с. 253), что становится демонстрацией амбиций. Эта особенность концепции Достоевского проявляется ярче при сопоставлении с пушкинской трактовкой, в которой характерной особенностью страданий героев является определенная пассивность. Так, недолго страдала Ольга, потому что «Другой успел ее страданье / Любовной лестью усыпить, / Улан умел ее пленить...», Татьяна смиряется со своей судьбою, потому что «другому отдана» (Пушкин, 1960, с. 134, 176). Характерное для классической картины мира понимание страдания запечатлено в философском словаре XXI века, где страдание

определяется как «претерпевание, противоположность деятельности...» (Чанышев, 2010, с. 642).

Нарушение представлений о мире как о гармоничном космосе, упорядоченном, осмысленном и целесообразном, где страдание представало тяжелой, но неизбежной частью, свойственно героям Достоевского. Создавая свой художественный мир, писатель сделал открытие, заключающееся в том, что *страдание является проявлением хаоса, затягивающим в себя человека* и к которому тяготеет человек, как ни парадоксально это звучит. Тяга к безрассудному своеволию, противоречащему упорядоченной реальности, обозначается у Достоевского как *любовь к страданию, склонность к самомучительству и мучительству окружающих*. Страдание хаотично, не упорядочено, в отличие от рассудочных представлений о жизни. С этим соглашался Н. Бердяев: «В своеволии своем человек сплошь и рядом предпочитает страдания. Он не мирится с рациональным устройством жизни» (Бердяев). В отличие от героев Пушкина, которые претерпевают страдание, персонажи Достоевского испытывают неодолимую потребность в нем, что становится аспектом мотивировки их безрассудных и губительных действий. Развивая идею о страдании как о проявлении хаоса, притягивающего к себе, уводящего от рациональной и гармоничной жизни к безрассудству и безобразию, Достоевский приходит к мысли о смирении и жертвенности. Изображая мучительное приобретение персонажами жизненного опыта, способствующего появлению и развитию высоких душевных качеств и преодолению душевной смуты, писатель реализует идею очистительного страдания, ведущего к смирению.

Достоевскому близка философия Шопенгауэра с его идеей хаотичности и неупорядоченности мира. По Шопенгауэру, миром управляет неразумная, слепая воля. Человек оказывается в ее власти, стремясь к удовлетворению всех своих желаний, что в принципе недостижимо, и испытывая страдания от неудовлетворенности. «Желание по своей природе — страдание. <...> *Всякая жизнь по существу есть страдание*» (Шопенгауэр, 1992, с. 184, 182). В то же время проживание страданий способствует развитию и самосовершенствованию человека: «И все, что доброта, любовь и благородство делают для других, сводится к смягчению их мук и, следовательно, то, что может побуждать к добрым делам и подвигам любви, — это лишь *познание чужого страдания*, непосредственно понятого из собственного страдания и приравненного к нему» (Шопенгауэр, 1992, с. 220). Сострадание ведет к аскетизму, к отказу от каких-то потребностей, от неразумного подчинения слепой воле к жизни. Культура Серебряного века оказалась восприимчивой к идеям А. Шопенгауэра и его последователя — Ф. Ницше.

В конце XIX века тема страдания актуализируется в русской литературе и получает развитие в модернистской поэзии. Так, автор монографии «Религия и декадентство в России» выделяет присущие ранней декадентско-символистской поэзии черты, среди которых представление о «мире как хаосе, как сцеплении случайностей» (Цвик, 1985, с. 19) и эстетика страдания, сложившаяся под влиянием идей философов А. Шопенгауэра и Ф. Ницше.

В русской литературе первой половины XX века тема страданий по-своему преломляется, насыщается новыми интенциями, что было обусловлено тяжелейшими историческими событиями (революциями и войнами, периодами террора и гражданских войн). Практически каждый крупный писатель, так или иначе, запечатлел картину мира неустойчивого, неупорядоченного, утратившего опоры, затягивающего в себя человека страдающего. По словам Н. Бердяева, человек начала XX века — это человек «с распыленным ядром “Я”, разорванный на миги и клочья» (Бердяев, 1994, с. 412), поэтому идеи страдания и сострадания приобретают в русской литературе особую значимость — как реакция на исторические катаклизмы и разрушение основ органической жизни. Так, И. А. Бунин в «Окаянных днях» воплотил образ поруганной Москвы 1918 года, города, олицетворяющего собой судьбу всей России. Потрясенный наступившим хаосом и моральным разложением человека, писатель горестно восклицает: «Если бы я <...> Русь не любил, не видал, из-за чего же бы я так сходил с ума все эти годы, из-за чего страдал так беспрерывно, так люто?» (Бунин, 1991, с. 62).

Личность, мучительно познающая распадающийся мир и себя в нем, не может ощущать гармонию и счастье, она являет собой особый тип экзистенциального сознания. Таковы герои М. Горького в его книге «Рассказы 1922–1924 годов» — предатели и убийцы, обыватели, потерявшие нравственные ориентиры, страдающие от воцарившегося хаоса. Это страдающие герои шолоховского романа-эпопеи «Тихий Дон», оказавшиеся в эпицентре социального урагана, сметающего привычный уклад их жизни. Это герои эмигрантской литературы, оторванные от корней и национальной культуры. Трагические переживания лирической героини поэмы «Реквием» А. А. Ахматовой, как бы замкнутой в ограниченном пространстве города и дома, выливаются в раздумья автора о судьбе женщины-современницы и судьбе народа огромной страны. Не находит смысла жизни мастер М. А. Булгаков; его душевная болезнь, заставившая бросить рукопись романа о Понтии Пилате в печь, — это неизбывные страдания души творца от невозможности пробиться к читателю со словом истины.

Экзистенциальные аспекты страданий платоновских персонажей

Одним из наиболее последовательных продолжателей традиций Достоевского среди русских писателей первой половины XX века, воплотивших тему страдания в своих произведениях, был А. П. Платонов. О человеческих и творческих мучениях говорят его письма, статьи и записные книжки. Преемственность творчества двух писателей неоднократно отмечалась исследователями. Христианские мотивы, тоска по недостижимому совершенству, проповедь жертвенности, идейность и философская глубина произведений, диалогизм — вот то, что роднит творчество двух писателей. Но, пожалуй, главное — это изображение страдания как некоей метафизической константы, изначально присущей человеку.

Приверженность теме страданий Платонов объяснял самой природой своего художественного таланта. Так, в письме жене Марии Александровне из Тамбова от 3 июля 1927 года он написал: «Я <...> отдираю корки с сердца и разглядываю его, чтобы записать, как оно мучается» (Платонов, 2013, с. 228). В записных книжках много страниц посвящены его размышлениям на эту тему: «Без мучений нельзя изменить общество: ведь социализм <...> получил в наследство мещанство, сволочь («люди с высшим образованием — счетоводы» и т. д.). Страдание ототрет с таковых, размелет их разум, от которого можно застрелиться...» (Платонов, 2000, с. 68); «Нельзя быть одним и тем же человеком, слишком горе большое настает, слишком...»; «Неподвижным быть нельзя, но и двигаться нестерпимо» (Платонов, 2000, с. 149).

В отличие от Достоевского, страдания платоновских героев не всегда очевидны, писатель не описывает их психологическое состояние, не рассказывает об их чувствах и переживаниях. Платоновский текст является замкнутой системой, своеобразным полем, где различные идеи и голоса вступают в диалог друг с другом. Писатель использует приемы диалогизма, когда смысл рождается из сопоставления и интерпретации опосредованных, а иногда и скрытых сигналов, указывающих на внешние по отношению к тексту реалии. Например, страдания героя повести «Сокровенный человек» Фомы Пухова, странствующего в поисках пропитания и смысла жизни, скрыты, на поверхность текста выходят лишь говорящие детали: «Пухов загорюнился», «весь запаршивел, оброс шерстью и забыл, откуда и куда ехал и кто он такой» (Платонов, 2004–2024, т. 2, с. 185). Подбор деталей, диалоги Пухова с персонажами указывают на страдания всего сдвинувшегося с родных мест народа — гражданская война и голод. Но в тексте нет прямых указаний на социальные причины страданий людей.

Приобщением молодого писателя к философской мысли начала XX века объясняется появление в его прозе *героев-мыслителей*. Платонов стремился стать и был идеологическим писателем, считал, что «классовая борьба есть философское движение» (Воспоминания, 1994, с. 297), а искусство — это «сила, которая развяжет мир от его законов, <...> творчество совершенной организации из хаоса» (Платонов, 2004–2024, т. 1–2, с. 163). Он противопоставлял эстетскую литературу «проективной» литературе, идя вслед за идеями об искусстве Ф. М. Достоевского, Н. Федорова, А. Богданова, А. Гастева, и был, по его собственным словам, «политическим писателем, а не эстетическим» (Воспоминания, 1994, с. 297). Подобно Достоевскому, Платонов сделал центром своих произведений *идеи*. Сложность внутреннего мира платоновских персонажей обусловлена сложностью идей, владеющих ими и движущих их поступками. При этом идеи на поверку часто оказываются ложными, поэтому «реализация их неминуемо ведет к трагическим результатам» (Толстая, 2002, с. 293) и, как следствие, к страданиям героев. Платонов создал целую галерею ученых-преобразователей, совершающих роковые ошибки. Таковы инженеры и ученые из повестей «Эфирный тракт», «Котлован», рассказов

«Сатана мысли», «Лунные изыскания», «В звездной пустыне» и др. Все они, как бы продолжая мысли Ивана Карамазова, мыслят себя «“архитекторами” здания “всеобщей гармонии”» (Мальгина, 2000, с. 191). Но препятствует им в реализации их идей сама природа. Не в силах покорить ее, ученый Попов из повести «Эфирный тракт» кончает жизнь самоубийством. Его ученик Михаил Кирпичников, придя в ходе исследований к умственному тупику, тоскует, бросает работы и уходит из дома. Страдания ученого Матиссена выдают усталые глаза, «омертвевшее лицо», «лысый череп», покрытый морщинами, и ужасающий смех, который «столь част, как затмение солнца» (Платонов, 2004–2024, т. 2, с. 31).

Страдает инженер Прушевский, герой повести «Котлован». Создатель проекта «общепролетарского дома» понимает, что в новую жизнь, в «царство сознания» его не возьмут, и заранее думает о самоубийстве. Да и сама идея будущего прекрасного «общепролетарского дома», дома-башни, не выдерживает испытания, дискредитируется чиновничеством и превращается в свою противоположность. Образ общего дома восходит одновременно к образу Вавилонской башни, что не раз отмечалось платоноведами, а также к образам «хрустального дворца» и «зданию всеобщей гармонии» Достоевского, которые мыслились великим русским писателем XIX века «символами социалистической утопии» (Мальгина, 2000, с. 193). В платоновском мире к этой утопии рабочие идут через страдания тяжкого труда, «обращая всю жизнь своего тела в удары по мертвым местам» (Платонов, 2004–2024, т. 4–1, с. 78). Но их усилия оказываются напрасными. Надежда на счастливое будущее умирает вместе с девочкой Настей, порождая тоску и недоумение у строителей. И если горе Вощева выражается в его крайней растерянности, то инвалид Жачев произносит откровенно идеологичную фразу: «...я теперь в коммунизм не верю» (Платонов, 2004–2024, т. 4–1, с. 171), — после чего навсегда покидает котлован.

В начале 1930-х годов Андрей Платонов, пережив уничтожающую критику 1929 и 1931 годов, предательство товарищей по цеху, был вынужден радикально перестроить свою писательскую манеру и отказаться от критического пафоса, повышенной метафоричности, условности письма. Центральной фигурой его произведений 1930–1940-х годов становится одинокий страдающий герой. Его возраст, облик, социальная и гендерная принадлежность сильно разнятся. Это может быть отвергнутый социумом человек, страдающий от своей физической немощи и одиночества: юродивый («Юшка», «Мусорный ветер»); ребенок-сирота; женщина, переживающая разлуку с любимым («Фро»); мужчина, сознающий свою физическую неполноценность («Река Потудань»), но неизменным остается ореол печали, порождающий реакцию сострадания у читателя. Не случайно критик А. Гурвич уничтожительно назвал писателя «матерью всех сирот» (Гурвич, 1937, с. 193). Сироты Платонова — это Юшка из одноименного рассказа, безногий инвалид Жачев из повести «Котлован», который говорит о себе «урод», сухорукый подросток из рассказа «Ветер-хлебопашец» и т. д.

Многие платоновские герои отмечены некой ущербностью — физической или ментальной. В этом ощущается автобиографическая тема. «Я не гармоничен и уродлив — но так и дойду до гроба без всякой измены себе», — написал Платонов в уже упомянутом письме 1927 года (Платонов, 2013, с. 230).

Личные переживания переплавляются у Платонова в экзистенциальный тип художественного сознания, где распад связей, духовности порождает общую щемящую ноту неизбежного страдания, словно разлитого в его произведениях 1930-х годов. Мир стал другим, но человек по инерции продолжал искать опору в категориях, утративших прежнее значение, — в семье, любви, душевной теплоте близких людей — и не находил ее.

Создавая соответственный антураж произведений, Платонов делал местом действия произведений малопригодную для жизни землю, обрекающую героев на мучения. Так, герои рассказа «Такыр» живут на выжженном солнцем плато, где растут уродливые деревья, вроде старой чинары на берегу высохшей реки. Герои повести бессмысленно скитаются по мертвой пустыне. Они притерпелись к горю, как старая чинара к камням, вьевшимся в ее измученное тело. Созданная в рассказе картина столь безрадостна, что кажется ирреальной. Жизнь персонажей напоминает унылый ход по замкнутому кругу, из которого нет выхода, кроме смерти. Так, пленная персиянка Заррин-Тадж проживает однообразную череду дней, полных лишений. О ее страданиях говорят эпитет «сухая ветвь» и портрет: «Джумаль <...> подняла на ней одежду и увидела грудь, похожую на два темных умерших червя, вьевшихся внутрь грудного вместилища, <...> грудь ее была так мала, что только немного и сухое могло там находиться, <...>, ее силы могло хватить лишь для мучения. Такая грудь ничего уж не могла делать — ни любить, ни ненавидеть, но над ней самой можно было склониться и заплакать» (Платонов, 2010, с. 304).

Подобную жизнь проживают все жены Атах-бабы, сделавшиеся злыми и сварливыми от бесприютной кочевой жизни и однообразности ежедневного труда. Даже осел в рассказе кричит так, «будто он остался на свете круглой сиротой и теперь заболел печалью» (Платонов, 2010, с. 295). Даже когда юная Джумаль преодолевает инерцию и вырывается на просторы новой жизни, общая тональность произведения остается неизменной. Рассказ «Такыр» завершается финальной сценой, в которой юная героиня, вернувшаяся из города в пустыню и переодевшаяся в черное персидское платье, склоняется над могилой своей матери. Скорбная поза девушки, черная одежда, всплывшие в ее памяти слова матери «Тот, кто ушел, никогда не вернется», серый (не зеленый! — Г. Р., А. С., И. М.) стебель, росший рядом с могильным камнем, — все это создает символическую картину памяти о страданиях бедного кочевого народа, сотни лет безмолвно умиравшего на глинистом такыре. Но одновременно это и метафора жизни-страдания и поклонения смерти. Джумаль, возвратившаяся на такыр как героиня-преобразовательница, мессия, призванная возродить мертвую землю родины, по сути, вернулась на круг страданий

ее народа, чтобы сделать новый виток, а затем лечь в эту землю рядом с матерью и австрийцем Катигробом, оставившим перед смертью надпись на стене «Ты придешь ко мне, Джумаль, и мы увидимся» (Платонов, 2010, с. 309). Открытый финал рассказа не проясняет, сможет ли Джумаль вырастить сад на мертвом такыре, но художественный прием ретардации — замедления повествования, подбор фраз и эпитетов (горе, «опустилась на колени», «жалобно говорила <...> покойная мать», «закрыв лицо», *серый* стебель, «заповедник растений, исчезающих с земли» и т. д.) свидетельствуют о печали и страдании героини.

Тема несовершенства мира и страдания особенно ярко реализуется в рассказах, где главными героями становятся дети. Обращение к образу ребенка было для писателя далеко не случайным. Через него Платонов реализовывал христианский мотив спасения и обращался к образу Иисуса Христа. Так, герой повести «Котлован» Воцев, увидев сцену ссоры родителей при ребенке, подумал, что мальчик «живет без упрека, вырастая себе на мученье», и сказал им пророческую фразу, отсылающую к Библии: «...читите своего ребенка, <...> когда вы умрете, то он будет» (Платонов, Соч., 2004, с. 49). По мнению писателя, чистый и безгрешный ребенок в будущем совершит «искупление», «рожденное совестью мира и кровью материнского сердца» (Платонов, Соч., 2004, с. 49).

В рассказах о детях Платонов продолжает развивать тему «слезинки ребенка», начатую Достоевским, она звучит в рассказах «Глиняный дом в уездном саду», «На заре туманной юности», «Сухой хлеб», «Алтерк», «Уля», «Семен» и др. Дети Платонова страдают от одиночества, оставаясь одни наедине с собою, как бы в отрыве от остального мира, который глух к их мучениям. У Платонова особенно страдают дети-сироты, которые ищут и не находят своих родителей, или тех, кто может их заменить. Иногда детские персонажи имеют родителей, но они находятся на периферии сюжета и не играют важной роли, поэтому дети одиноки даже при живых родителях. Экзистенциальное сиротство в глубинном его понимании роднит детей с образом Иисуса Христа (Толстая, с. 384). Об этом свидетельствуют записные книжки писателя, в которых он отметил: «Христос был сирота. Искал отца» (Платонов, 2000, с. 271). Как Христос, платоновские сироты терпеливы, незлобливы, ищут служения.

Платонов, который обычно намечал портреты своих героев одним-двумя штрихами, для детей делал исключение. Его детские персонажи, как правило, худы, плохо одеты, их лица морщинисты, как у старых людей. Например, мальчик из рассказа «Глиняный дом в уездном саду» имел «штаны на одной пуговице» и «рубашку, а картуза и обуви не имел». «Лицо, лишенное детского запаса жира, было *худощавым и морщинистым*, серые угрюмые глаза глядели *терпеливо*, готовые без слез перенести неожиданный удар» (Платонов, 2010, с. 349). Ветхая одежка не спасала от холода. Подобный портрет, худоба, не свойственная возрасту, отсутствие одежды, кротость и жертвенность — описание имплицитно отсылает к образу Христа. Мальчик своими поступками дает пример

нравственного поведения. Яков Савич, всю жизнь живший только для себя, делается лучше в присутствии мальчика. Старуха, не пожелавшая впустить в дом голодного ребенка, становится объектом его заботы. Ребенок с детства понял жизнь как путь страданий. Неудачный эксперимент с воробьями, которые не могли жить в неволе и умирали в клетке, привел его к такому выводу: «Вы не люди <...> надо мучиться, а вы прямо умираете» (Платонов, 2010, с. 351).

Тема истязаний ребенка, намеченная в романе Достоевского «Братья Карамазовы», продолжается Платоновым в рассказе «Алтеркэ», где еврейский мальчик становится объектом ненависти польских панов. Своеобразно преломляется она в рассказе «Среди животных и растений», где роль ребенка отдана маленькому зайчишке-сироте «с влажными нежными глазами», которого охотник из сострадания принес домой. Но дома зайца-ребенка жестоко избивает старая мать, изливая на него всю накопившуюся злобу. Сцена избиения беззащитного существа описана Платоновым столь подробно и натуралистически, что прямо соотносится со словами Ивана Карамазова о «слезах человеческих, которыми пропитана вся земля от коры до центра» и о том, что «нельзя страдать неповинному за другого» (Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 217).

Страдания взрослых и детей в произведениях Платонова воздействуют на читателя, вызывают состояние катарсиса, побуждая к состраданию. Страдания героев способствуют созданию эффекта катарсиса... Они совершают искупление грехов мира, делают его лучше и чище.

Эволюция концепции страдания в творчестве В. П. Астафьева

В. П. Астафьев в одном из интервью поделился «испытанным методом собственного укрощения»: можно лишь взглянуть на книжные полки личной библиотеки, где стоят книги русских классиков XIX века, — «этого вполне достаточно, чтобы вести себя скромнее, спокойнее» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 135). Своими кумирами писатель называл Гоголя, Достоевского, Тургенева, Лескова. Оценивая их творчество, он выделил Гоголя: «Духовное состояние гения, образ его мыслей и образ его жизни — это жизнь титана и муки его — титанические. Только мыслитель, подобный Гоголю, сумеет постигнуть всю глубину его страданий и боли...» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 375). В том же эссе — «Во что верил Гоголь» — Астафьев определил главное для себя: «Смеясь, Гоголь страдает, обличая порок, он прежде всего в себе его обличает...» (Астафьев, 1998, т. 12, с. 373). Близость Астафьева Гоголю выражается и в том, что, по словам Г. М. Шленской, Астафьев «нес в себе скорбь о несовершенстве мира».

Обратившись к порокам человеческого существования, Астафьев касается проблемы добра и зла. В осмыслении природы человека ему близок Достоевский, в романе «Печальный детектив» есть несколько прямых отсылок к нему.

Герой романа Леонид Сошнин занимается самообразованием, читает Ницше и Достоевского, размышляет о том, что им удалось почти достать «до гнилой утробы человечешки», где таится «самый жуткий, сам себя пожирающий зверь...» (Астафьев, 1997, т. 9, с. 41).

«Нечто, роднящее его с Достоевским», увидел в раннем творчестве Астафьева литературный критик А. Н. Макаров, отметивший «правдивость доведенных до накала драматических положений, страдательное сочувствие к той поре, когда человек еще только складывается...» (Макаров, 1969, с. 235). Это наблюдение касается характерного свойства мировосприятия писателя, отчетливо проявившегося в первых повестях: «Перевал», «Кража» — и позже, во второй книге «Последнего поклона». На долю героя произведений, в основе своей автобиографического, выпадает слишком много испытаний: сиротство, скитания, «бесприютность», одиночество. Ильке в «Перевале» вспоминается «самая трудная в его жизни зима». Автобиографические реалии в повести, восстановленные автором по памяти, передают реальную трагедию семьи Потылицыных, потерявших дочь, и осиротевшего мальчика Вити, для которого утрата матери стала незаживающей раной, оставившей след не только в жизни, но и в творчестве. В главе «Мачеха» история злоключений Ильки пополняется новыми фактами, благодаря чему читатель узнает о событиях, предшествовавших конфликту Ильки с мачехой. «... Три месяца жили пасынок с мачехой и с Митькой. У них не было денег, дров. <...> Митьке шел четвертый месяц» (Астафьев, 1997, т. 2, с. 31). В повести «Кража» для Толи Мазова суровой школой жизни становится детдомовский опыт.

Во второй книге повести «Последний поклон» лейтмотивом проходят слова, объясняющие психологическое состояние героя повестей «Перевал» и «Кража»: «Э-эх, все у меня не так, всюду лишний, никому не нужный». В главе «Карасиная погибель» повествуется об участии нахлебника в доме деда Павла: в «новой» жизни Витя Потылицын не нужен никому, мальчика предадут взрослые люди: отец, дед Павел и бабушка из Сисима, — предадут, спасая свои жизни. В главе «Без приюта» автор достоверно передает психологическое состояние, безвыходное положение и физические страдания Вити (голод, холод, отсутствие элементарных условий для выживания). Настрадавшийся, доведенный до крайнего бедственного положения, униженный перед всем классом учительницей по прозвищу Ронжа, он выплескивает накопившуюся обиду, отчаяние, злость в сцене расправы над ней. Страдания и боль Вити открыто выражены во внутреннем монологе: «Не сразу, но дошло: зывают ко мне. Я — мальчик?! Забыл совсем об этом, забыл — мальчики и девочки бывают в детстве. Где же оно, мое детство? За горами, за долами, за далекими лесами, в родной сторонushке у родимой бабушки» (Астафьев, 1997, т. 4, с. 408). Витя не может простить взрослым их предательства и слабости, безразличия и жестокости. В автобиографической прозе писателя сквозная тема страданий решается как *перемогание мучений*, как явление *социальное и экзистенциальное*, а в поздних военных произведениях испытания оказываются бесчеловечными, *страдания — непереносимыми*. В повести «Так хочется жить» после избиения

старшиной Растаскуевым и его бойцами Коляши он с тоской думает, «что когда-нибудь в такие вот минуты покончит с собой» (Астафьев, 1997, т. 11, с. 20).

Тема судьбы солдата-победителя — одна из важных сюжетобразующих линий поздней военной прозы Астафьева. Избранный ракурс повествования объясняется автором тем, что «борьба за выживание после войны в каких-то своих измерениях была пострашней самой войны» (Астафьев, 1979, с. 4). Мотив страдания объединяет повести «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат» в цикл и способствует воплощению авторского замысла.

В повести «Веселый солдат» страдания героя, через всю жизнь пронесшего воспоминание об убитом им немце, выражены опосредованно. Повествование ведется от первого лица, что придает тексту исповедальную интонацию. Начинается повесть информативно коротко и бесстрастно: «Четырнадцатого сентября одна тысяча девятьсот сорок четвертого года я убил человека. Немца. Фашиста. На войне» (Астафьев, 1998, т. 13, с. 7). В финале повести автор вновь возвращается к этому эпизоду. Большая совесть причиняет состарившемуся фронтовику душевные страдания и нет ему покоя. Кольцевая композиция повести подчеркивает ее основной смысл: никогда не забудет веселый солдат этого убийства и пронесет свою вину через всю жизнь. Автору даже не столь важно передать душевные муки героя, сколько осмыслить онтологические вопросы ценности человеческой жизни и персональной вины за отнятую жизнь.

Рассказ «Пролетный гусь» во многих отношениях стал итоговым для писателя. Сюжет возвращения фронтовиков домой после Победы в Великой Отечественной войне и выживания в мирное время — путь, пройденный самим Астафьевым, — получил свое завершение в истории молодой семьи Солодовниковых, пострадавшей не только от бездомности, полуголодного существования, сиротства, но и от несправедливости и ненужности вчерашних фронтовиков своему государству. Пронзительная интонация повествования заложена уже в самом заглавии и его символике: таким же пролетным гусем, ставшим случайной жертвой подстрелившего его Данилы, оказались и сам Данила, и его семья — маленький Аркаша и жена Марина. Неслучайно хозяйка квартиры, Виталия Гордеевна, сравнивает их с птицами: «Вы ведь птицы залетные...» (Астафьев, 2003, с. 370).

Следом за тихо угасшей жизнью маленького сына Аркаши вскоре от туберкулеза умирает муж Марины Данила. Отчаявшаяся Марина не выдерживает выпавших на ее долю испытаний и принимает решение отправиться вслед за своими «миленькими». Нет у нее веры ни в людей, ни в Бога, и никто не будет выяснять причины ее самоубийства. В связи с концепцией страдания в прозе Астафьева необходимо обратить внимание на ключевой смысл, вкладываемый им в категорию страдания в связи с женской судьбой. По-видимому, это объясняется ранней смертью его матери, Лидии Ильиничны, пострадавшей в семье непутевого мужа, вечной мученицы, чей образ постепенно приобретает у писателя черты святости. Несмотря на то что женские характеры раскрываются в произведениях Астафьева разными гранями, однако героинь сближает общая

страдательная и сострадательная доля, и это не зависит от этнической принадлежности. Так, в текст романа «Печальный детектив» Астафьев включает реминисценции из книги «Португальские письма», созданной в XVII веке Габриэлем де Лавернем де Гийерагом. Из пяти писем, составивших текст книги, Астафьев выбирает первое, в котором Мариана пишет о своей любви и страданиях в разлуке с любимым, жалуется на «непереносимую разлуку», которая в недолгий срок может привести ее к могиле. «Прощайте. Любите меня всегда и заставьте меня *выстрадать еще больше мук*» (Астафьев, 1997, т. 9, с. 70). В этом признании проявляется и жертвенная натура монашки.

Главными героинями повести «Обертон» являются сортировщицы военной почты. Война заканчивается, и каждая из них настраивается на мирную жизнь и думает о будущем. Настроения и переживания девушек раскрываются через песню. «Как пели! Как пели эти отверженные всеми, вроде бы забытые, в бездонный омут войны кинутые девчонки» (Астафьев, 1997, т. 11, с. 212). В пении они отводят душу: «“Растет камышинка, горька сиротинка”, — выдохнула песнопевица с той неизъяснимой тоской, коя свойственна лишь давно и много страдающей женщине да птицам, в чуждальные страны отлетающим осенней порой. Откуда же Любе-то ведать о той женской вечной тоске и *страдании вечном?* <...> Откуда?!», — восклицает повествователь (Астафьев, 1997, т. 11, с. 213).

Эстетика страдания в прозе писателя претерпевает определенную эволюцию: от «страдательного сочувствия» герою и испытания его в драматических ситуациях, обостряющих меру страдания, до осмысления онтологии страдания в трагических обстоятельствах и погружения в хаос бытия, когда смерть становится избавлением от непреодолимого страдания и мук. В. П. Астафьев, продолжая традиции русской классической литературы, обращается к опыту Ф. М. Достоевского и Н. В. Гоголя, вносит новые смыслы в постижение концепции страдания, смыслы, привнесенные XX веком.

Заключение

Художественные открытия писателей XIX века в осмыслении темы страдания явились тем материалом, который использовали писатели XX века, и легли в основу современных гуманитарных исследований страдания как одной из важнейших антропологических категорий. Мысль Достоевского о том, что страдание порождено хаосом, затягивающим в себя человека, явилась открытием, воспринятым художниками XX века. А. Блок образно выразил ее в предисловии к поэме «Возмездие»: «Мировой водоворот» ныне «засасывает в свою воронку почти всего человека». Открытие Достоевского определило вектор развития темы страдания в художественном творчестве писателей XX века.

А. Платонов, для которого тема страданий была автобиографичной, считал, что страдания сопряжены с самим понятием *жизнь*. В отличие от Достоевского,

мучения его героев выражаются имплицитно — через подбор говорящих деталей, особый пейзаж, диалоги персонажей, отсылающие к затекстовым событиям и реалиям. Очевидно, что тема страданий в прозе Платонова значительно эволюционировала. Если в 1920-е годы в ней преобладают социальные и исторические причины мучений героев, то в 1930-е годы на первый план выходят экзистенциальные аспекты. Изменившийся тип художественного сознания в позднем творчестве писателя породил особый экзистенциальный конфликт и эстетику страдания, которым пропитаны его произведения 1930-х годов. Вместе с тем страдания, вызванные хаосом всеобщей жизни и разобщенностью людей, становятся толчком к самопознанию героев, формируют их личность и судьбу, способствуют духовному росту, а также создают эффект катарсиса, приобщая прозу Платонова к высшим образцам гуманистической литературы.

Концепция страдания в произведениях Астафьева претерпевает эволюцию и значима для писателя. В его ранней прозе реализуется автобиографическое начало, которое неотделимо от социально-исторического контекста: раскулачивание и выселение крестьян с их земли. На этом фоне развивается тема страдания в повестях «Перевал», «Кража», «Последний поклон». Тот же самый контекст представлен и в повести «Так хочется жить» как свидетельства очевидца, вспоминая о многочисленных жертвах установления нового строя в стране. Социально-исторический фон важен и в прозе писателя о войне, в которой концепция страдания реализуется как одна из важнейших антропологических философем.

Список источников

1. Андрей Платонов. *Воспоминания современников. Материалы к биографии.* (1994). Современный писатель.
2. Астафьев, В. П. (1979). Про то, о чем не пишут в книгах. Литературная газета, 10 октября.
3. Астафьев, В. П. (1997–1998). *Собрание сочинений:* в 15 т. Офсет.
4. Астафьев, В. П. (2003). *Светопредставление: рассказы.* Эксмо.
5. Белинский, В. Г. (1955). *Полное собрание сочинений:* в 13 т. Т. 7. Издательство Академии наук СССР.
6. Бердяев, Н. А. (1994). Кризис искусства. В Н. А. Бердяев. *Философия творчества, культуры и искусства:* в 2 т. Т. 2, 399–419. Лига.
7. Бердяев, Н. А. (2020). *Мирозерцание Достоевского.* Гл. 2: Человек. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyayev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyayev-ii-chelovek.htm>
8. Борисова, И. М., & Скорокозова, Е. И. (2022). Мотив страдания в романе Ф. М. Достоевского «Идиот». *Современные аспекты филологических исследований* (с. 159–164). Сборник материалов научных конференций. Оренбургский государственный университет.
9. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. (1963). *Литературное наследство.* Т. 70. Издательство Академии наук СССР.
10. Гурвич, А. (1937). Андрей Платонов. *Красная новь,* 10, 191–233.

11. Достоевский, Ф. М. (1972–1990). *Полное собрание сочинений*: в 30 т. Т. 27. Наука.
12. Заманская, В. В. (2002). *Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий*. Флинта. Наука.
13. Малыгина, Н. М. (2000). Диалог Платонова с Достоевским. «Страна философов» Андрея Платонова. *Проблемы творчества*, 4, 185–200.
14. Платонов, А. П. (2000). *Записные книжки. Материалы к биографии*. Наследие.
15. Платонов, А. П. (2004–2024). *Сочинения. Т. 1–6 (продолжающееся научное издание)*. ИМЛИ РАН.
16. Платонов, А. П. (2013). «...Я прожил жизнь»: *Письма. 1920–1950 гг.* Сост., комм. Н. В. Корниенко. Астрель.
17. Платонов, А. П. (2010). *Счастливая Москва: Роман, повесть, рассказы*. Время.
18. Пушкин, А. С. (1960). *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 4. Художественная литература.
19. Толстая, Е. Д. (2002). *Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века*. РГГУ.
20. Толстогузов, П. Н., & Толстогузова, Е. В. (2013). Страдание как составляющая байронической литературной модели: Байрон и русская поэтическая традиция. *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*, 1(12), 125–127.
21. Цвик, И. Я. (1985). *Религия и декадентство в России*. Штиинца.
22. Чанышев, А. А. (2010). Страдание. *Новая философская энциклопедия*: в 4 т. Т. 3, с. 642–643. Мысль.
23. Шопенгауэр, А. (1992). *Избранные произведения*. Просвещение.

References

1. *Andrei Platonov. Memories of contemporaries. Materials for biography*. (1994). *Sovremenny`j pisatel`*. (In Russ.).
2. Astaf`ev, V. P. (1979). About what they don't write about in books. *Literaturnaya gazeta*, 10 oktober. (In Russ.).
3. Astaf`ev, V. P. (1997–1998). *Collected Works*: in 15 vols. Ofset. (In Russ.).
4. Astaf`ev, V. P. (2003). *Svetoprevizhenie: stories*. Eksmo. (In Russ.).
5. Belinskij, V. G. (1955). *Collection of Opus*: in 13 vols. Vol. 7. *Izdatel`stvo akademii nauk SSSR*. (In Russ.).
6. Berdyaev, N. A. (1994). The crisis of art. In N. A. Berdyaev. *Philosophy of Creativity, Culture and Art*: in 2 vols. Т. 2, 399–419. Liga. (In Russ.).
7. Berdyaev, N. A. (2020). *Dostoevsky's worldview*. Ch. 2. Human. <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/berdyaev-mirosozercanie-dostoevskogo/berdyaev-ii-chelovek.htm>. (In Russ.).
8. Borisova, I. M., & Skorokozova, E. I. (2022). The motif of suffering in F. M. Dostoevsky's novel «The Idiot». *Modern aspects of philological research* (pp. 159–164). Collection of materials of scientific conferences. Orenburg State University. (In Russ.).
9. Gorky and Soviet Writers. Unpublished correspondence. (1963). *Literaturnoe nasledstvo*. Т. 70. *Izdatel`stvo Akademii nauk SSSR*. (In Russ.).
10. Gurvich, A. (1937). *Andrei Platonov. Krasnaya Nov', 10*. (In Russ.).
11. Dostoevskij, F. M. (1972–1990). *Collection of Opus*: in 30 vols. Nauka. (In Russ.).
12. Zamanskaya, V. B. (2002). *Existential tradition in Russian literature of the twentieth century. Dialogs on the borders of centuries*. Flinta. Nauka. (In Russ.).

13. Malygina, N. M. (2000). Platonov's dialog with Dostoevsky. *Andrei Platonov's «The country of philosophers»*. *Problems of creativity*, 4, 185–200. (In Russ.).
14. Platonov, A. P. (2000). *Notebooks. Materials to the biography*. Nasledie. (In Russ.).
15. Platonov, A. P. (2004–20024). *Works*. Т. 1–6 (continued scientific edition). IMLI RAS. (In Russ.).
16. Platonov, A. P. (2013). «...I have lived my life»: *Letters. 1920–1950*. Composition, commentary N. V. Kornienko. Astrel. (In Russ.).
17. Platonov, A. P. (2010). *Happy Moscow: A novel, novella, stories*. Vremya. (In Russ.).
18. Pushkin, A. S. (1960). *Collection of Opus: in 10 vols*. Vol. 4. Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.).
19. Tolstaya, E. D. (2002). *Mirposlekonets: Works on Russian literature of the twentieth century*. RSUH. (In Russ.).
20. Tolstoguzov, P. N., & Tolstoguzova, E. V. (2013). Suffering as a component of the Byronic literary model: Byron and the Russian poetic tradition. *Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejxema*, 1(12), 125–127. (In Russ.).
21. Tsvik, I. Ya. (1985). *Religion and decadence in Russia*. Shtiincza. (In Russ.).
22. Chany'shev, A. A. (2010). Suffering. *New Philosophical Encyclopaedia: in 4 vols*. (In Russ.).
23. Schopenhauer, A. (1992). *Selected works*. Prosveshhenie. (In Russ.).

Информация об авторах

Галина Ивановна Романова — доктор филологических наук, доцент, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Альфия Исламовна Смирнова — доктор филологических наук, профессор, профессор департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Ирина Ивановна Матвеева — кандидат филологических наук, доцент, доцент департамента филологии Института гуманитарных наук МГПУ.

Information about the authors

Galina I. Romanova — D. Sc. (Philology), Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Alfia I. Smirnova — D. Sc. (Philology), Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Irina I. Matveeva — PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Philology, Institute of Humanities, MCU.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.